

Смена парадигм и формирование новой МЕТОДОЛОГИИ (попытка обзора дискуссии)

В ходе проводимой журналом дискуссии по методологическим проблемам науки¹ в центре внимания оказались вопросы методологии социального познания. Это не случайно. Разрыв между общественными науками и практикой в условиях господства моноидеологии камуфлировался, маскировался такими принципами, как: единство теории и практики, науки и жизни; практика — критерий истинности теории, и некоторыми другими. Сами по себе эти методологические принципы правильны и полезны, хотя и требуют существенных уточнений с точки зрения современного уровня познания. Однако их применение к обществу было, по существу, идеологическим, т. е. определялось требованиями идеологии, которая представляла реальное состояние и развитие общества, его перспективы в существенно искаженном виде.

Начало освобождения науки и общественного сознания от диктата идеологии поставило общественные науки в совершенно иные условия. Однако появились и новые трудности. Дело в том, что из-за «особых отношений» общественных наук и старой идеологии (а именно эти науки прежде и больше всего использовались ею для своего самооправдания, самоутверждения и оказались серьезно идеологически «заражены») развернувшаяся в обществе широкая критика идеологии не могла не захватить обществензнание и именно в ключевых аспектах его отношений с практикой, жизнью. Это тот самый случай, когда «мертвый хватает живого» и старается увлечь его с собой в могилу².

¹ См. Амелина Е. Понятие «цивилизация» вчера и сегодня (1992, № 2); Алексеева Т. Полезна ли философия политике (там же); Козлова Н. Социология повседневности: переоценка ценностей (№ 3); Федотова В. Классическое и неклассическое в социальном познании (№ 4); Алтухов В. Контуры неклассической общественной теории (№ 5); Соколова Р. О пользе политической философии (там же); Вайс Й. Проблема «онаучивания» социального мира (№ 6); Мигель Собратор Чавес, Хоррхе Варгас Кулелль. Социальная наука и социальная технология (там же); Александров В. Народ и выбор политика (там же); Баккиро В. Социальное познание на пороге постиндустриального мира (1993, № 1); Смирнова Н. Социально-культурное многообразие в зеркале методологии (там же).

² Этот принцип нередко оборачивается иным; «живой хватает и мертвого, и живого». Яркое тому подтверждение можно найти в редакционной статье первого номера нового философского журнала «Путь», вышедшего летом прошлого года, где говорится: «Ведь нельзя же всерьез полагать, что так называемая «советская философия» вошла или когда-нибудь войдет в историю мировой философии. Только если — как курьез. В лучшем случае над нею смеются, но по большей части относятся так же, как к «гомо советикусу» — со смешанным чувством гадливости и ужаса» (с. 4). Если не придерживаться тона этого безапелляционного утверждения и отвечать достаточно мягко, то это — явное преувеличение. Наиболее пострадали те области философии и других общественных наук, которые были особенно тесно связаны с идеологией. В тех же областях, которые она не могла жестко контролировать (в особенности, когда этот контроль оставался простой формальностью) — в логике, философии и методологии науки, философских вопросах естествознания, в некоторых направлениях теории познания, истории философии, в разработке проблем экологии, стратегии выживания и др., — было высказано немало интересных и оригинальных идей, обсуждавшихся и в западной философской и научной литературе. Но может быть главное в том, что даже условия идеологической травли и политических репрессий не могли остановить или направить глубокую творческую мысль. Пример тому — творчество таких выдающихся мыслителей, как М. Бахтин, А. Лосев, В. Асмус, С. Рубинштейн, Я. Голосовкер, М. Мамардашвили, занявшие свое место в истории мировой философии. Закрывать на это глаза — не означает ли придерживаться довольно узкой (если не сказать — сектантской) позиции журналу, называющему себя международным?

В общественном сознании сложилась известная оппозиция социальным наукам, которая была обусловлена разочарованием в результатах применения их «достижений» в различных сферах жизни, резким падением доверия к их практическим рекомендациям, искажениями ими реальной картины общества под влиянием идеологических установок. В этих условиях стало необходимым разобраться в некоторых проблемах, общих для всего постсоциалистического обществознания, затрагивающих научные интересы подавляющего большинства обществоведов.

Первоначально внимание многих из них сфокусировалось на вопросах взаимоотношений науки и идеологии — наиболее болезненных для обществознания. Причем необходимо было не только обосновать критическое отношение к старой идеологии, но и прояснить взаимодействие науки и идеологии в целом. Эта проблема обсуждалась в журнале в течение 1991 года, а итоги обсуждения были подведены в первом номере за 1992 год.

Очень скоро, однако, стало ясно, что разработка этих, как и более общих, вопросов — о месте и роли общественных наук в современном мире, путях их дальнейшего развития — требует самого серьезного внимания к проблемам методологии, характеризующей принципы и механизмы как организации и развития, так и применения знаний, их положений, выводов, рекомендаций. В 1992 году, начиная со второго номера, ведется обсуждение проблем методологии в нашем журнале. К этому обсуждению подключаются в разных формах и такие журналы, как «Полис», «Социс», «Вопросы экономики», «Свободная мысль», «Вопросы философии».

Обществознание стремится переосмыслить и перестроить свои отношения с различными сферами жизни, общественными силами и движениями. Это принципиально важно и для понимания путей развития общественных наук в современном мире, и для разработки новых подходов к решению внутритеоретических проблем, и для организации взаимодействия между различными общественными дисциплинами. Без опоры на практику, без тесных контактов обществоведов с политиками, экономистами-практиками, педагогами, общественными деятелями новые философские, социальные, экономические, политические, педагогические концепции и теории могут свестись к новой схоластике.

Если говорить о наиболее значимых вопросах, возникающих при обсуждении методологической проблематики (в том числе и на страницах нашего журнала), то можно выделить примерно следующие:

— как соотносятся между собой классические и неклассические методы познания, включая модернистские и постмодернистские подходы?

— в чем источник противоречий и конфликтов между теорией и жизнью в современных условиях? Каковы способы разрешения этих противоречий и как они должны корректировать развитие теории?

— справедливо ли определение методологии как орудия не только познания, но и изменения, преобразования жизни?

— каковы вообще допустимые формы и мера вмешательства теории в жизнь людей или это вмешательство недопустимо ни в какой форме?

Некоторые из этих вопросов активно обсуждаются и в современной западной обществоведческой литературе.

Необходимо учитывать также, что сама постановка этих и аналогичных вопросов имеет определенный общенаучный контекст — поиск ответа на более общий вопрос о том, какое место занимает обществознание в современном мире и каковы тенденции его развития с учетом того, что сегодня в кризисном состоянии оказался не только марксизм, но, по-видимому, и весь корпус классических (особенно «глобальных») теорий. (Как отмечает В. Ядов, мировая социологическая мысль

сегодня «ставит под сомнение пригодность всех классических социальных теорий, развитых в прошлом»³).

Основные позиции участников дискуссии

В обсуждении методологической проблематики на страницах нашего журнала прослеживается определенная логика (кстати говоря, никак не заданная некими предварительными редакционными соображениями): альтернативные точки зрения взаимоотносятся таким образом, что одна отрицает другую посредством попытки разрешить свойственные последней противоречия.

Типичным ответом приверженцев марксизма на его критику является следующий аргумент. Марксизм сохраняет качество научной теории общества, он доказал свою истинность и практическую эффективность. Негативные же результаты «социалистического строительства», нищета «реального социализма» объясняются не качеством теории и методологии, а теми искажениями и отступлениями от них, которые были допущены на практике. Эта точка зрения содержит в себе внутреннее противоречие. Ведь практика, согласно марксизму, и является высшим критерием истинности теории. Если практика не подтверждает ее истинности — причем не только в части «строительства социализма», но и закономерностей капитализации, мирового развития, — то это как раз и означает, что данную теорию в целом нельзя признать истинной, что она нуждается в существенных изменениях.

Это противоречие пытаются разрешить ученые из Коста Рики М. Собрардо Чавес и Х. Варгас Кулель. По их мнению, для того чтобы «спасти» марксизм как научную теорию общества, необходимо отделить общественные науки, с одной стороны, от мировоззрений, которые суть «предпосылки социальных теорий и мотивация для их формулировки», с другой — от социальной технологии, т. е. определенных способов осуществления практических преобразований в обществе.

Нельзя, однако, не видеть, что подобная операция настолько изменяет природу марксизма, что возникает серьезное сомнение: а можно ли это новое знание квалифицировать как марксистское? Не теряет ли оно после такого преобразования свое основное качество, отличающее его от других общественных теорий? Ведь хорошо известно, что принципиальное отличие своей доктрины от прежних философских учений основоположники марксизма видели как раз в том, что последние лишь объясняли мир, а их теория призвана его изменить. Этой цели, технологии ее осуществления и служит методология марксизма, органично связывающая себя с мировоззрением, которое как раз и дает обоснование изменения мира.

Данное противоречие, в свою очередь, пытаются разрешить участники нашей дискуссии Н. Козлова, В. Федотова, В. Бакиров, Н. Смирнова. Сюда же можно отнести статью А. Панарина⁴. Согласно их позиции, постмарксистское социальное знание радикально отличается от марксизма и других классических глобальных концепций: оно отказывается от каких-либо попыток вмешательства в жизнь людей с целью ее преднамеренного изменения. На первый план здесь выступают так называемые «мягкие» методы познания с их нацеленностью на индивидуальность, субъективность, на культурную стилистику исследуемого объекта, его неповторимую специфику. Фокус исследования смещается с явлений общего социального плана на явления лично-индивидуальные, духовно-уникальные, которые характеризуют повседневную жизнь людей.

³ Ядов В. О социальных процессах перестройки. «Коммунист», 1991, № 6, с. 58.

⁴ См. Панарин А. От постчеловеческого мира к человеческому. «Общественные науки и современность», 1991, № 5.

Но охватывает ли это воззрение весь социальный мир или хотя бы основные существенные параметры общественного бытия? Объясняет ли оно достаточно полно главные характерные черты и особенности общественного развития? Вряд ли удастся дать положительные ответы на подобные вопросы. Современный мир немислим без социальных действий, политических практик, изменяющих различные пласты общественной жизни, без разработки программ различных уровней и целей, так или иначе вмешивающихся в жизнь людей, изменяющих условия существования различных общественных групп. Такие программы нуждаются в критическом осмыслении, в том числе и технологии их осуществления.

Вступив в постсоциалистическое общество, мы сегодня все больше убеждаемся в том, что просвещение, работа с молодежью, практическая политика в самых различных ее приложениях и проявлениях больше всего страдают от того, что не получают (или не стремятся в силу указанной оппозиции получать) от общественных наук идей-импульсов, необходимых прежде всего для прояснения стратегических целей и перспектив развития общества, его «потребного будущего», технологий решения возникающих проблем. А без совокупного знания, вырабатываемого общественными науками, нельзя разобратся в этих вопросах, понять характер и тенденции нашего дальнейшего развития. В недостаточности такого знания — одна из главных причин частых перекосов в политике, захлестывающих ее эмпиризма, прагматизма и прожектерства, плодящих обилие короткоживущих, плохо обоснованных программ и планов.

Противоречия, свойственные изложенной выше позиции группы авторов, до известной степени снимаются другими участниками дискуссии (И. Вайс, В. Александров, В. Алтухов), делающими упор на анализ собственно социального, социально-массовых явлений. В статье Вайса рассматриваются различные формы вмешательства социальных теорий в условия жизни людей, характеризуются допустимые, на его взгляд, формы и способы такого вмешательства, взаимодействие теоретиков и практиков при решении жизненно важных задач. В статьях Алтухова и Александрова ставится вопрос о существенном изменении категориального аппарата социальной теории для того, чтобы она могла выполнять свои методологические функции в современном мире. Здесь же речь идет и о разрешении другого противоречия, выражающегося в стремлении совместить (в контексте указанной трактовки социального и индивидуального) процессы самоорганизации в обществе и отрицание его объективных закономерностей.

Но и применительно к этой методологической позиции сохраняют силу сформулированные выше вопросы.

Интеллектуальная революция: изменения в логическом фундаменте мышления

В некоторых статьях (Федотовой, Смирновой) и — в более широком плане — в статье Бакирова ставится вопрос о смене парадигм (парадигмальном сдвиге) как закономерности развития современного обществознания и науки в целом. По мнению Бакирова, идет формирование новой исследовательской позиции, которая ориентирует ученого на пересмотр фундаментальных теоретических представлений о человеке и обществе. Федотова стремится углубить представление о формировании новой парадигмы, подчеркивая, что «парадигмальные сдвиги в сторону постнеклассической науки» происходят не только на уровне методологии, но и на эпистемологическом уровне.

Я полагаю, что в современной науке и в научном мышлении происходит смена «больших парадигм», относящихся к крупнейшим общеисторическим ступеням. Этот процесс включает преобразования в основаниях науки — философских, логических, методологических — и может быть определен

как интеллектуальная революция, которая готовит приход нового строя общественной жизни⁵.

Главным содержанием Этой революции являются изменения в логическом фундаменте научного мышления. Если говорить кратко, то это **переход от фундаментализма к полифундаментальности (многомерности)** в категориальном строе и способе мышления, в его методологическом и мировоззренческом базисе.

Логический фундаментализм выражает собой совокупность разнообразных процедур и их результатов, заключающихся в сведении эмпирического многообразия (континуума явлений, их свойств, характеристик) к некоторому выделенному дискретному фундаменту — их «ядру», в котором, как предполагается, заключены наиболее существенные признаки явления, порядок их изменения и развития. Так образуются представления о сущности, или природе явлений, об исходных принципах, законе, базовой структуре, субстанции, начале (первоначале). Например, в понятии мы обобщаем предметы некоторого класса, выделяем в них общее, их сущностное единство, отвлекаясь от их индивидуальных и видовых различий.

Подобные операции, по существу, понижают весь строй нашего мышления, лежат в основе абстрагирования, формирования и развития понятий, теорий, законов. Логический фундаментализм выражает познавательную способность охватить в рамках единой теории разнообразное эмпирическое содержание, подвести его под некоторое общее начало (исходные понятия теории) и сформулировать закон, принцип, устанавливающие определенную упорядоченность явлений в исследуемой области, их сущностное единство. Иными словами, логический фундаментализм составляет одну из ведущих предпосылок человеческого познания, характеризует общий способ формирования различных познавательных средств.

И все же этот познавательный принцип (как, впрочем, и любой другой) имеет не универсальную, а ограниченную область применения. На современном уровне развития знаний наука открывает для себя совершенно новый, по существу, еще не исследованный материк, имя которому — *многомерный мир*. В его изучении ведущими являются принципы полифундаментализма, дополнительности, плюрализма (в новом значении) и др. При этом наличие альтернативного миропорядка — предмета всей традиционной науки — не отрицается, но сфера его распространения ограничивается.

В современной науке начинает нарастать критика фундаменталистских воззрений и складываются первые признаки антифундаменталистского видения мира⁶. В целом же, я думаю, речь идет о начале **крупнейшего исторического перелома в развитии науки и научного мышления**, по отношению к которому происходившие ранее научные революции оказываются все же частными и локальными, поскольку они не затрагивают один из главных традиционных устоев мышления — логический фундаментализм. Поэтому можно говорить о двух больших (глобальных), качественно различных эпохах в развитии науки: традиционной, фундаменталистской, охватывающей всю предшествующую историю науки с ее различными стадиями и закономерностями, и современной, антифундаменталистской, в которую еще только вступают научное познание и мышление, отягощенные грузом фундаменталистских парадигм и стереотипов самой различной давности происхождения. Смена этих научных эпох характеризуется формированием **нового способа мышления**.

⁵ См. Алтухов В. Философия многомерного мира. «Общественные науки и современность», 1992, № 1, с.15.

⁶ Обзор этих позиций см. Абрамова Н. Т. Границы фундаменталистского идеала и новый образ науки. «Философские науки», 1989, № 11.

Диалектика — конфронтационная логика мышления

Нельзя сказать, что ранее наука не сталкивалась с явлениями многомерного мира. Напротив, она сталкивалась с ними довольно часто, однако трактовала их с позиций традиционного миропорядка — в этом случае соответствующие проблемы принимали вид разного рода предельных вопросов (неразрешимых по определению), антиномий, логических парадоксов и других аномалий, постоянно возобновляющихся в различных теориях (достаточно вспомнить о трех великих кризисах математики), дуализма и плюрализма (понятого как многообразии, состоящее из множества равнозначных изолированных сущностей).

По-видимому, ближе всего к пониманию нового миропорядка (отличного от традиционного) подошел И. Кант, правда, дав ему отрицательное понятие «вещь в себе». В неявном виде Кант поставил вопрос о границах познания старого миропорядка, приняв их за границы самих познавательных возможностей человеческого разума. Но границы он определил точно. Пытаясь познать «вещи в себе», разум наталкивается на непреодолимое (непреодолимое с позиций логического фундаментализма, как можно было бы сказать теперь) препятствие — антиномии, означающие, что с равной доказательностью могут быть обоснованы взаимно исключающие решения коренных вопросов мироздания: о структуре мира (конечность и бесконечность, прерывность и непрерывность), его первоначале, свободе и необходимости и др.

Г. Гегель, критикуя учение Канта о противоречиях разума, допустил некоторую логическую непоследовательность, которая повлекла за собой крупнейшие последствия для становления диалектического способа мышления и соответствующих ему идеологической, политической практики, мировоззрения и методологии марксизма. Он не исследовал способы, какими можно было бы разрешить, диалектически снять антиномии (что и открывает проход в многомерный мир в логике понятий!), а непосредственно отождествил их с объективными противоречиями, т. е. объективировал противоречия мышления. Тем самым Гегель осуществил рационализацию основ конфронтационной логики мышления.

В марксистской философии учение о противоречиях как источнике и сущности всякого движения и развития, освобожденное от оболочки гегелевского идеализма, стало опорой нового способа и метода мышления — материалистической диалектики, оказав огромное влияние на развитие марксизма, на формирование ориентированного на марксизм сознания. В материалистической диалектике, по существу, завершилось создание конфронтационной логики мышления.

Разумеется, эта логика не является изобретением гегелевской и марксистской диалектики, она имеет солидную традицию в истории философской мысли. Но в марксизме противоречия, борьба противоположностей были подняты на высоту вселенского закона, объявленного источником развития всего живого и неживого в Космосе, «последней» сущностью всех вещей. Согласно В. Ленину, этот закон выражает ядро диалектики. Все другие ее законы и принципы группируются вокруг закона единства и борьбы противоположностей или выводятся из него. Трактовка противоречия как единственной движущей силы во Вселенной (раздвоение единого и борьба между его сторонами) делает излишними другие источники развития. Тем самым конфронтация материализма и идеализма, научного и религиозного мировоззрений была возведена на более высокую ступень. Сегодня, однако, все более остро осознается ограниченность этого способа мышления. В чем же она конкретно проявляется?

В объективном мире и познании существуют, разумеется, самые разнообразные формы противоречий, борьбы противоположностей. Однако трудности в раскрытии противоречия как всеобщего закона развития нарастают

по мере того, как мы погружаемся в сферу исходных базисных понятий, принципов, т. е. оснований научных знаний, теорий. Здесь, вопреки установкам гегелевской и марксистской диалектики, мы чаще всего сталкиваемся не с диалектическим единством противоположностей, а с их несоединимостью, несовместимостью: «пропасть» между дискретным и непрерывным (А. Френкель и И. Бар-Хиллел), восходящая, по существу, к знаменитым апориям Зенона Элейского; рядоположенность элементарных понятий — точки и континуума; корпускулярно-волновой дуализм — существование «безо всякой логической взаимосвязи» двух теорий света (А. Эйнштейн) и т. д. Именно в этих противоречиях и парадоксах — наиболее напряженный духовный центр развития научных понятий и теорий, средоточие острейших кризисов и коллизий, сотрясающих научное мышление на протяжении всей его истории и заводящих его в различные тупики.

Научное познание входит в многомерный мир вместе с разработкой способов разрешения этих противоречий. Такой опыт уже имеется (в развитии математики, физики). Хорошим концептуальным обобщением некоторых из этих способов является принцип дополнительности⁷, который был первоначально сформулирован применительно к проблемам квантовой физики, а затем получил более широкое толкование, обрел общенаучный статус.

Онтология многомерного мира. Два метода познания

Многомерный объект полифундаментален, т. е. характеризуется различными сущностными измерениями, в известном смысле это — «неоднородный» объект. Для его характеристики может быть использована категория «ипостась», которую я рассматриваю в качестве центральной категории многомерной логики и методологии. Поскольку эта категория совершенно недостаточно разработана в нашей литературе, необходимо сказать о ней несколько слов.

Ипостаси, если следовать определениям Иоанна Дамаскина и Леонтия Византийского, это равносущные, несливающиеся природы, каждая из которых есть «существующее само по себе», или обладает существованием «самого по себе». Иоанн Дамаскин, рассуждая об отношениях души и тела, так раскрывает смысл ипостаси: «Ведь хотя из их обоих образуется одна сложная ипостась, например Петра или Павла, тем не менее она сохраняет в самой себе две полные природы, а именно, природу души и природу тела, и сохраняет их видовое отличие несмешанным, а их естественные особенности неслитными»⁸.

Традиционные категории, описывающие наиболее общие и существенные свойства и законы природы, общества и мышления, а также социальные категории, базовые понятия различных наук применимы и к описанию многомерного мира. Но в этом случае они выступают уже в значении ипостасей, что существенно изменяет их содержание. Здесь центральный пункт расхождений между многомерной и марксистской диалектикой.

С точки зрения многомерного подхода в отношениях бытия и сознания, прерывности и непрерывности, свободы и необходимости, социального и индивидуального и др. каждая сторона обладает собственной природой, в которой раскрывается ее качественная специфика и самостоятельность, *самость*, т. е. то, что она *есть сущее*, которое выражает определенный миропорядок. Эти стороны, выступая как ипостаси, органически взаимосвя-

7 См. Алтухов В. Материалистическая диалектика стоит перед вызовом времени. «Общественные науки», 1990, № 5.

⁸ Дамаскин Иоанн. О соединении по ипостаси. «Логос», 1991, № 1, с. 86.

заны и влияют друг на друга, но при этом каждая из них остается в определенном смысле (в силу этой своей природы) *непроницаемой* для «своего другого»⁹.

«Несоединимость» исходных противоположных понятий и категорий мышления, впервые четко зафиксированная в апориях Зенона Элейского и видоизмененно проходящая через всю историю науки (обнаруживающаяся и в антиномиях Канта), есть прямое выражение и свидетельство (я сейчас отвлекаюсь от вопроса о степени их адекватности) этой ипостасности, многомерной структуры мира. Всякая попытка «изъять» сущность одной из обозначаемых ими сторон (путем сведения ее к другой) или каждой из сторон, приписав ее (сущность) лишь «диалектическому единству» последних, в конечном счете ведет к глубоким, неразрешимым противоречиям в основаниях научных теорий, в логическом фундаменте мышления.

Диалектико-материалистический метод существенно урезывает автономно, самостоятельность и свободу той или иной из взаимодействующих сторон, когда рассматривает одну из них в качестве первичной, определяющей (общественное бытие, экономический базис, социальное и т. д.), а другую, сопряженную с ней, зависимой и, по существу, лишенной самостоятельной природы (признается лишь так называемая «относительная» самостоятельность зависимой стороны).

Этот подход доводится до абсолютных пределов в одном из главных постулатов материалистической диалектики, согласно которому наиболее глубокая сущность вещей заключается во взаимопроникновении противоположных сторон «в самой сущности предметов», когда эти стороны, противоположности, оказываются тождественными. «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) **тождественными противоположностями.** ...»¹⁰.

Отношения, описываемые материалистической диалектикой, принадлежат к частной и предельной (относительно многомерного мира) области действительности, где наблюдаются многочисленные случаи так называемых *смазанных* состояний. (По наблюдению Ю. Чайковского, последние характеризуют область «периферии» в отличие от «центра»¹¹.) К предельному же следует отнести и особый класс неразвитых состояний, где одно начало полностью подчинено другому и лишено собственной природы. В традиционном познании эти предельные случаи нередко рассматриваются как типичные и абсолютизируются. Этот подход универсализировала марксистская диалектика, где предельному приписывается статус принципов познания, всеобщего метода познания.

Неформационный путь развития

Новый тип структурных отношений (многомерность) определяет и новый порядок развития системы. Он обнаруживается в эволюции современного общества в направлении полицентрической мироцелостной системы, в переработке ткани мировых общественных отношений в новое качество (многомерность). Прежде всего изменяется **общий характер мирового развития** — традиционная формационная логика уступает место альтернативной логике, для которой характерны многовариантность, специфическая колебательность процессов и др.

Формационная логика, господствовавшая на определенном участке

⁹ Можно, очевидно, говорить об ипостасной природе тех сосуществующих культурно-ценностных миров, о которых идет речь в упомянутой статье Бакирова.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 98.

¹¹ Чайковский Ю. Познавательные модели, плюрализм и выживание. «Путь», 1992, № 1.

истории, вытекала из конкретно-исторического типа отношений между основными общественными структурами, сферами общественной жизни, достаточно полно описанного марксистским обществознанием в концепции первичного и вторичного, базисных и надстроечных, определяющих и зависимых факторов общественной жизни. Именно: определяющей ролью сферы материально-производственной деятельности людей (способ производства) по отношению к другим сферам обусловлен порядок общественного развития, который характеризуется сменой специфических типов общества — «ступеней прогрессивного развития человечества», соответствующих изменениям, происходящим в экономическом базисе общества.

Примерно с середины XX века или несколько ранее начинается качественно новая полоса исторического движения, которая характеризуется становлением «многомерной» логики истории и вытеснением логики формационной. Формационное развитие как бы замыкается на самое себя и снимается более сложным самоорганизующимся процессом. Речь идет о становлении **неформационной колебательно-циклической мироцелостной динамики**¹². Некоторые ее элементы получили отражение в дискуссии (Федотова, Бакиров). Более полное представление об этом процессе, я полагаю, дает обращение к категориям социального пространства и времени.

Особенно важным — и для понимания эволюции дискуссий о судьбах общественного развития — представляется следующее обстоятельство. В современных дискуссиях, обсуждениях, умонастроениях — и в нашей стране, и за ее пределами — постепенно утрачивают былое значение категории «капитализм» и «социализм», которые еще недавно определяли состояние общественной мысли в стране и оказывали заметное влияние на развитие мирового обществознания. Это — прямой результат вытеснения объективной формационной логики из мировых процессов. Капитализация и социализация еще выделяются здесь в своих специфических формах, но, взаимодействуя друг с другом на новой основе, постепенно утрачивают некоторые исходные параметры, по которым они взаимоопределялись и противопоставлялись друг другу. Размываются классические смыслы части опорных категорий социализации и капитализации. Показательно в этом отношении, что весьма обстоятельный анализ Бакировым тенденций становления постиндустриального мира, по существу, проводится вне традиционной альтернативы: капитализм—социализм. Постиндустриальное, информационное общество уже невозможно подвести ни под один из известных типов формаций, оно выходит за рамки формационной логики общественного развития.

Однако теории этого общества строятся в общем по старой фундаменталистской схеме. Считается, что главной движущей силой становится не материальное производство, а наука: информатика, компьютеры и микроэлектроника преобразуют всю социальную систему, определяя создание новых надклассовых и наднациональных структур, изменение механизмов общественного развития.

Этой же фундаменталистской схемой определяется и альтернативная точка зрения, представленная позицией тех, кто на первый план выдвигает индивидуально-личностное начало общественного развития, которое становится «мерой всех социальных вещей» (Бакиров). Универсализация этого подхода, как отмечалось в дискуссии, ведет к игнорированию объективной логики и закономерностей исторического процесса.

Поэтому одна из новых задач современных обществоведческих исследований, я думаю, заключается в том, чтобы выйти за пределы подобных схем

¹²См. Алтухов В. «Обновленная идеология»: возможна ли она? «Общественные науки и современность», 1991, № 2.

формирования методологических подходов к изучению общества и человека. Многомерная логика и методология дают возможность решить подобную задачу.

Принципы многомерной методологии

Согласно принципу полифундаментальности, любая теория, сколь бы глубока она ни была, не в состоянии охватить исследуемую реальность в полноте ее сущностных измерений (ипостасей). Это вовсе не означает, что понижается качество теории как самой развитой формы организации научного знания, которая ставит своей задачей раскрыть сущность изучаемого объекта, вырабатывает целостное представление о его закономерностях и существенных связях. То есть речь идет не о том, что каждая из альтернативных теорий, описывающих многомерный объект, в состоянии раскрыть какой-то один из аспектов целого. (Подобное знание, по существу, и нельзя было бы признать теорией в собственном смысле.) Имеется в виду, что каждая из них описывает именно целое, но не его часть.

Однако многомерный объект полифундаментален по своей природе, каждая его ипостась сама по себе, как уже говорилось выше, есть сущее. Поэтому каждая конкретная теория как единая система знания со своими исходными принципами и исследовательской программой раскрывает определенное сущностное измерение целого, строит его базисную модель, картину и т. п. Например, согласно современной методологии математики, «для описания одного и того же фрагмента реальности можно предложить огромное количество формальных систем»¹³, в разных познавательных ситуациях целесообразно пользоваться разными исчислениями.

Подобная «неустраняемая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность...»¹⁴. Попытка же сформировать «божественную» точку зрения, объединив тем или иным способом исходное множество теоретических описаний, оставалась бы, в сущности, фундаменталистской и содержала бы внутренние логические противоречия.

Исключительно важным является то обстоятельство, что в рамках становления многомерного подхода начинают, по-видимому, изменяться статус теории, науки и вся система представлений о них. Альтернативные теоретические описания какого-либо фрагмента реальности существовали, разумеется, и раньше, но они формировались и развивались в рамках единой теоретической дисциплины: физические концепции — в рамках физики, математические — математики, исторические — истории. Сегодня наблюдается любопытнейший поворот в этих воззрениях, прежде всего в современной математике, где логика многомерности ранее всего заявила о себе.

В последнее время некоторые математики и историки математики начинают пересматривать традиционный взгляд на нее как единую и цельную теоретическую дисциплину. Так, известный исследователь М. Клайн утверждает: «Имеется не одна, а много математик»¹⁵. Одна «отличается от любой другой составом основных понятий, способами рассуждений о них, вычислительными процедурами, и маловероятно, а скорее, невозможно (а если даже возможно, то не нужно) объединить их в некую единую теоретиче-

¹³ Е р ш о в Ю. Л. Некоторые вопросы применения формализованных языков для исследования философских проблем. «Методологические проблемы математики». Новосибирск, 1979, с. 87.

¹⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986, с. 289.

¹⁵ Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984, с. 358.

скую конструкцию»¹⁶. «Много математик», по существу, и означает, что объект их исследования начинает осознаваться многомерным; для описания каждого сущностного измерения целого предлагаются различные системы понятий, принципы, методы, которые применимы в разных познавательных ситуациях для решения определенных типов задач и не могут быть объединены в одной универсальной теоретической системе¹⁷.

Однако это вовсе не означает, что альтернативные «математики», «истории» и т. д. в духе классического плюрализма представляют собой множество рядоположенных и разнородных дисциплин, никак взаимно не связанных. Классический плюрализм и дуализм — абстрактная противоположность фундаментализма (а другой альтернативы для мышления классических эпох просто не существовало), их смысл — в отрицании целостного характера исследуемой реальности. Плюрализм в многомерной логике и методологии — это совсем другое понятие, как, впрочем, и «единство», и «целое».

Связь между альтернативными описаниями здесь определяется тем, что все они относятся к одному и тому же многомерному объекту, но не охватывают полноты его сущностных характеристик (измерений) как целого. Поскольку каждая теоретическая система вырабатывает свое видение целого, строя соответствующую модель, которая не исчерпывает его сущностных характеристик, го ни для одной из альтернативных систем, строго говоря, уже нет оснований претендовать на то, что лишь она является единственно истинной, «божественной»; следовательно, нет уже причин принципиального порядка для воспроизводства классических отношений взаимного исключения между альтернативными теоретическими построениями. Напротив, если выясняется, что каждое из них недостаточно для охвата всей многомерной реальности, то, чтобы приближаться к этому идеалу, необходимо уже не противопоставление, а взаимное дополнение альтернативных точек зрения на изучаемую реальность, общество, мир, человека (если они, конечно, оказались способны конституировать в качестве своего предмета многомерный объект, систему и т. д.).

Дополнительность (принцип дополнительности) позволяет сохранить самостоятельность, теоретический статус каждого описания и в то же время рассматривать их в определенной системе, в единстве («сложная ипостась»). Но это единство уже имеет не фундаменталистское («моноплюрализм»), а полифундаментальное значение.

Нельзя не видеть, что способ организации и развития знаний, предлагаемый этой методологией, подрывает основы конфронтационной логики и может инициировать — при его интегрировании в концептуальные основы разработки политики, в решения международных споров, глобальных проблем и т. д. — далеко идущие изменения в общественном сознании и в общественных отношениях. Если каждая из оппонировавших сторон, в типичных случаях погруженных в классическую атмосферу конфронтации, приходит к выводу, что ее точка зрения не является «божественной» и, более того, нуждается в том, чтобы быть дополненной альтернативным видением мира, то возникает совершенно новая основа для диалога, достижения консенсуса, компромиссов в решении жизненно важных проблем, в ходе дискуссий между различными идейными направлениями, мировоззрениями, конфессиями, идеологиями. Это было бы подобно бальзаму на кровоточащие раны ожесточенно полемизирующего

¹⁶ Медведев Ф. А. Нестандартный анализ и история классического анализа. «Закономерности развития современной математики». М., 1987, с. 76.

¹⁷ Очевидно, можно говорить и о многих социологиях — индивидуальной и социальной, объективной и субъективной и др. — настолько глубоко различие подходов и методов в изучении этих предметов (ср., например, статьи Смирновой, Козловой и Бакирова, с одной стороны, Вайса, Александрова и автора этих строк — с другой).

с самим собой человечества, которому осталось уже не так много времени, чтобы решить проблемы, от которых зависит его будущее и, возможно, судьба. Таким образом, можно сказать, что уже **«проклюнулось» логическое зерно нового мирового порядка**, связанного со становлением многомерного мира. Сумеет ли оно прорасти и изменить мир?

С точки зрения многомерного подхода и следует, по-видимому, оценивать два альтернативных мира, к которым апеллируют спорящие стороны (и не только, кстати говоря, в нашей дискуссии по вопросам методологии): мир единичного, уникального, где доминирует лично-индивидуальное начало, и мир социального с присущими ему закономерностями. Оба мира тесно взаимодействуют, но относятся к разным субстанциональным планам человеческого бытия, существуют в собственном пространстве и времени как разные ипостаси человеческого. Сосредоточиваясь на изучении социального, мы не можем без некорректных натяжек и огрублений раскрывать в разработанной для его изучения системе понятий и принципов природу индивидуального. То же самое можно сказать и о попытках выведения социального из индивидуального.

Сказанное вовсе не означает, что, изучая социальное, мы не можем рассматривать вопросы из области индивидуального, и наоборот. Поскольку оба мира органично взаимосвязаны и влияют друг на друга, необходимо раскрывать их взаимосвязи, однако при соблюдении определенных правил, которые старая методология игнорировала. Правила таковы: 1) работая с каждой категорией, относящейся к изучению социального или индивидуального, мы работаем в разных системах понятий, каждая из которых опирается на свои исходные принципы; 2) неправомерны попытки (в конечном счете) вывести одну систему понятий из каких-то принципов другой системы или свести ее к ним; 3) раскрыть базисное отношение соответствующих описаний, способ, каким они объединяются, позволяет принцип дополнительности.

Корни методологического и гносеологического анархизма

Многие особенности современной науки обусловлены порядком смены «больших парадигм». Новая парадигма уже входит в научное сознание, но еще не утвердилась в нем и не получила рационального обоснования. Старая же парадигма продолжает удерживать свои ключевые позиции. Происходит противоречивое смещение токов, идущих от разных парадигм, и этим обусловлены необычайная внутренняя разнородность современных знаний, мощная их релятивизация,ходящая до крайних форм методологического и гносеологического анархизма. Здесь истоки общего кризиса, переживаемого современным обществознанием.

В проводимой журналом дискуссии получило достаточно четкое выражение следующее характерное противоречие. С одной стороны, давление новой парадигмы обнаруживается в утверждении «духа плюрализма» в обществознании и попытках переосмыслить классические представления, в частности об истине. С другой стороны, в понимании природы исследуемых объектов, социальных структур и отношений, их субстанциональных характеристик многое еще тяготеет к старой, классической парадигме и не может отрешиться от ее стереотипов.

Я думаю, что «сильный» гносеологический постулат, выдвинутый Федотовой, — *«мир, в котором истина одна, а заблуждений много, прекратил свое существование»* — справедлив при многомерном подходе. Если же сделать крен в сторону классических фундаменталистских представлений о мире, то мы неминуемо попадаем в океан всевозможных логических парадоксов и противоречий, ведущих к крайним релятивистским выводам.

Сдвиги, которые сегодня происходят в методологии обществознания, все же, как правило, остаются в рамках старого способа мышления. Так, в недавно вышедшей работе В. Кемерова¹⁸ выдвигается задача формирования «содержательной методологии». Здесь, в частности, проводится мысль о том, что масштаб индивидуального должен быть повышен до признания его в качестве одной из существенных характеристик объекта. Автор стремится, по его словам, избавить трактовку индивидуального и социального от абстрактного схематизма и подчеркивает ограниченность метода сведения индивидуального к социальному. Для более глубокого познания индивидуального обществознание должно обратиться к методу выведения индивидуального из социального...

В рецензии на эту книгу В. Келле подчеркивает: «И вообще индивидуальное нельзя противопоставлять социальному, а следует выявлять его социальную природу»¹⁹.

Примечательно! Индивидуальное не имеет собственной природы! Его природа — в другом, в социальном. В этом суть марксистских воззрений на личность, индивидуальность человека как совокупности общественных отношений. (Ср. также: свобода есть необходимость — познанная — и т. д.)

Чтобы преодолеть подобные стереотипы, необходимо формировать методологическую культуру оперирования разными существенными измерениями реальности, общества, человека как многомерных самоорганизующихся систем. Это уже прерогатива новой методологии, которая выходит за рамки марксистского диалектического метода.

Дальнейшее обсуждение проблем методологии на страницах нашего журнала предполагает усиление внимания к анализу методологических функций принципов дополнительности, плюрализма, теории самоорганизации, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений с учетом характера их эволюции в научном познании.

Говоря о формировании новой методологии и методологической культуры, важно иметь в виду их главные задачи: обеспечивать организацию диалога более высокого уровня между альтернативными концепциями, мировоззрениями, в том числе религиозными, культурами и цивилизациями (это, можно сказать, доминантная идея, с которой человечество идет к порогу нового тысячелетия); раскрывать технологии достижения консенсуса и компромиссов в дискуссиях, спорах, столкновениях, особенно конфронтационного характера; ограничивать возможности конфронтационной логики, выражающей нетерпимость полярных позиций в национальных отношениях, международных делах и т. п. Подобное вмешательство теории в жизнь людей, надо полагать, было бы вполне оправданно.

¹⁸ Кемеров В. Методология обществознания: проблемы, стимулы, перспективы. Свердловск, 1990

¹⁹ «Вопросы философии», 1992, № 7, с. 190.